

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ SOCIAL PHILOSOPHY

Оригинальная статья / Original article

Гражданское общество: в поисках сущности¹

© И.Е. ДИСКИН

Дискин Иосиф Евгеньевич, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), idiskin9@gmail.com. ORCID:0000-0001-5002-7867

В последнее время в российском обществе активно обсуждают вопрос о характере гражданского общества страны. Более того, позиции в этой дискуссии стали разграничительным маркером для определенных сегментов общественной мысли. Предпринята попытка сделать шаг к пониманию сущности этого концепта, проанализировав тренды макросоциальных изменений на Западе и их влияние на концептуализацию понятия гражданского общества. Значимый тренд концептуализации – преувеличение политического измерения функций гражданского общества, с одной стороны, и элиминирование его нравственно-этического влияния на характер общественного развития – с другой.

Ключевые слова: гражданское общество, социальное развитие, концептуализация, политика, нравственность, этика, культура

Цитирование: Дискин И.Е. (2024) Гражданское общество: в поисках сущности // Общественные науки и современность. № 4. С. 65–79. DOI: 10.31857/S0869049924040059, EDN: ZHCJAJ

---

¹ Финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г. по теме «Эволюция институтов самоорганизации и благотворительности».

Funding. The research was carried out within the framework of the Basic Research Program HSE in 2024 on the topic “The evolution of institutions of self-organization and charity”.

Civil Society: In Search of Essence

© I. DISKIN

Isosif E. Diskin, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia),
idiskin9@gmail.com. ORCID: 0000-0001-5002-7867

Abstract. Recently, the issue of the nature of civil society in Russia has been actively discussed in domestic discourse. Moreover, positions in this debate have become a marker for certain segments of social thought. An attempt is made towards understanding the essence of this concept by analyzing the trends of macro-social changes in the West and their impact on the conceptualization of the concept of civil society. A significant trend in this conceptualization is the exaggeration of the political functions of civil society, on the one hand, and the elimination of its moral and ethical influence on the nature of social development, on the other.

Keywords: civil society, social development, conceptualization, politicsculture, ethics

Citation: Diskin I. (2024) Civil Society: In Search of Essence. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 65–79. DOI: 10.31857/S0869049924040059, EDN: ZHCJAJ (In Russ.)

В последнее время актуальность вопроса о гражданском обществе, о его сущности и российской специфике явно возросла. Более того, отношение к концепту «гражданское общество», трактовка его сущности становятся разграничительным маркером для определенных сегментов общественной мысли.

В соответствии с одним из влиятельных подходов, уровень развития гражданского общества выступает критерием общественно-государственного развития, обуславливает его успех. Популярные институционалисты Д. Аджемоглу и Дж.А. Робинсон посвятили монографию необходимости развития гражданского общества и его сотрудничества с государством как ключевых условий успешного продвижения вперед [Аджемоглу, Робинсон 2021].

Альтернативный подход заключается в тотальной отрицании существования гражданского общества в России. В радикальной интерпретации ее изложил А.Г. Дугин: «Гражданского общества в России не может быть даже в теории, поскольку гражданское общество – это социально-политический продукт развития западноевропейской романо-германской цивилизации, двигавшейся по совершенно иной логике. Попытки превратить авторитарным образом социальную организацию россиян в гражданское общество (или его прообразы), что на практике было тождественно его радикальной вестернизации, всякий раз приводило к катастрофическим, апокалиптическим последствиям, к расколу, жестокой диктатуре, отчуждению правящих элит от широких масс» [Дугин 2023].

Можно не соглашаться с этими подходами, но важнее обратить внимание на аргументацию, связывающую трактовку концепта «гражданское общество» с трендами вестернизации. Указание на взаимосвязь формирования понятия «гражданское общество» с характером макросоциального развития создает предпосылки для продвижения к пониманию сущности этого концепта. Ведь при иных, эмпирически верифицированных характеристиках процессов развития и их результатов, возникают и иные ответы на поднятые вопросы, в том числе не только подтверждение теоретической возможности существования гражданского общества в нашей стране, но и признание его наличия. При таком понимании взаимосвязей возможно выявить сущность гражданского общества. Этот путь

связан с анализом макросоциальных проблем, возникавших в общественно-государственном развитии обобщенного Запада, результатом которого и стала концептуализация общественного развития. Часть ее – разработка проблематики гражданского общества.

Следует подчеркнуть, что осознание этой проблемы стало как сильным стимулом для теоретической рефлексии, так и имело определенные теоретические последствия: преувеличение значимости рассматриваемых проблем в контексте общественного развития; поиск новых идейно-теоретических средств анализа; достаточно жесткий отказ от альтернативных, прежде всего предшествующих теоретических концептов. Неудивительно, что подобная ситуация стимулировала идеологические противоречия в обсуждении обозначенных проблем, которые сформировались в устойчивые тренды, создавая эффект «колеи».

Индивидуализация и рационализм

Главным импульсом для актуализации проблем, которые впоследствии привели к концептуализации понятия «гражданское общество», стал распад социальных и политических механизмов, регулировавших отношения в традиционном обществе – макросоциальные изменения Нового времени. Речь идет прежде всего об индивидуализации общественных отношений и связанном с ней рационализме.

Нужно иметь в виду, что указанные перемены носили фундаментальный характер: произошла смена ценностей первого порядка, которые выстраивали всю систему норм и представлений. Для цивилизации средневекового Запада главной ценностью была верность [*Ле Гофф* 2022], но социально-политическая практика позднего средневековья систематически ее дискредитировала, подрывая всю систему основанных на ней социальных отношений [*Шекспир* 1996]. Усложнение социальных связей, рост образованности городского населения и подключение значительной его части к книжной культуре создавали предпосылки для качественно новых механизмов социального регулирования, основанных на индивидуальном рациональном выборе, на повышении статуса личности.

Эти перемены влекли за собой пересмотр базовых общественных отношений и стимулировали формирование концепций государственного управления, построенных на более рациональных основаниях. Яркий пример такой концептуализации – труд Н. Макиавелли «Государь», вся аргументация которого носит сугубо рациональный характер, избегая обращения к религиозным нормам и установлениям [*Макиавелли* 1990].

Существенным стимулом для легитимации новых социальных механизмов стали достижения выдающихся личностей не только на полях бесконечных сражений, но и в ходе Великих географических открытий. Сформировался социальный миф о новом типе личности. Концептуализацией этого мифа стала метафора М. Маффесоли о прометеевской культуре: «Для нее типичны ценности прилежной работы, изобретения, прогресса, универсального продуктивизма, столь соответствовавшего духу эпохи великих открытий» [*Алиева* 1995]. Обобщая анализ этих процессов, Ю. Хабермас настаивал, что гражданское общество – уникальный историко-социальный феномен, корни которого лежат в европейских преобразованиях XVII–XVIII вв. [*Habermas* 1991]. Утверждение индивидуализма и рационализма получило теоретическое обобщение в концепции методологического индивидуализма Й. Шумпетера [*Hodgson* 2009].

Очевидно, что столь кардинальные социальные перемены, подрывавшие основы прежнего социально-государственного порядка, стимулировали появление концепций становления социального порядка, адекватного новой реальности. Так, Т. Гоббс изложил идею гражданского общества как условия перехода от природного (естественного) состояния первозданных необузданных страстей, всеобщей вражды и страха к упорядоченному

обществу, граждане которого дисциплинированы властью государства [Гоббс 1991]. Альтернативой такого общественного устройства является «война всех против всех». Следует обратить внимание на то, что позиция Гоббса основана на гиперболизации уровня рациональности индивида, способного к формированию устойчивых социальных отношений, которые ведут к общему благу. Гиперболизация – продукт духа времени, общего настроения эпохи Просвещения, когда разум был противопоставлен религиозным предрассудкам. Соответственно, в своих проекциях роли разума социальные мыслители обращались к инструментам, в которых рациональность и индивидуальный интерес играли преобладающую роль. Именно поэтому совершенно логичным стало проецировать концепт договора на все общественные отношения. Идея договора в Новое время превратилась в преобладающую. Яркий пример коллизии вокруг норм договора демонстрирует драма Шекспира «Венецианский купец» [Шекспир 1992]. В этом смысле совершенно в духе времени возник концепт общественного договора, который первоначально предложили Гоббс в «Левиафане» и Локк в «Двух трактатах о правлении» [Гоббс 1991, Локк 2014]. Затем он получил развитие у Ж.-Ж. Руссо [Руссо 2023]. Гегель определяет гражданское общество как «объединение членов в качестве самостоятельных, единичных в формальной, таким образом, всеобщности на основе их потребностей и через правовое устройство в качестве средства безопасности лиц и собственности и через внешний порядок для их особенных и общих интересов» [Гегель 1990].

Концептуализация понятия «общественный договор» создает основу для представления гражданского общества как институционально упорядоченного основания для формирования государственных отношений в качестве легитимного участника соответствующего договора.

Общественная мораль и религия

Отмеченная выше гиперболизация рациональных оснований социальной деятельности сделала излишним рассмотрение социокультурных, как мы бы сказали сегодня, условий эффективного функционирования договорных отношений. Дух времени создавал убеждение, что в соответствии с доминировавшей концепцией рационального эгоизма разумные люди, которые следуют собственным интересам, вполне способны не только заключить общественный договор, но и поддерживать его устойчивое соблюдение. Важными факторами формирования подобных представлений стала не только отмеченная выше гиперболизация рациональности, но и тенденция исключать из рассмотрения нравственно-этические основания соблюдения норм договорных отношений. Характерно высказывание Гегеля: «В гражданском обществе каждый для себя – цель, все остальное для него ничто» [Гегель 1990]. Те немногие мыслители, кто вполне осознавал роль общественной морали в преодолении «войны всех против всех», тоже стремились построить нормы этой морали в соответствии с духом времени, т.е. исключительно на рациональных основаниях. Яркий пример – «Теория нравственных чувств» А. Смита [Смит 1997]. Следует учитывать не вполне рефлекслируемое влияние идей шотландского протестантизма на эту концепцию последовательно рационализированной этики. Много позднее М. Вебер показал связь между доктринальным фундаментом протестантизма, нравственными нормами его последователей, с одной стороны, и ценностными основаниями нового, капиталистического, социально-экономического уклада – с другой [Вебер 1990]. Общим трендом социальной мысли рассматриваемого времени были представления о нравственности как естественном состоянии человека и ее распаде в результате негативного влияния всей системы общественных и государственных установлений [Руссо 2023].

Понимание роли морали в формировании базовых оснований жизни социума обусловило две магистральные линии концептуализации гражданского общества. Первая, выступавшая последовательным развитием идей Просвещения, тесно связана с антиклерикализмом. Ее истоки уходят в эпоху раннего гуманизма и зарождения Ренессанса. Примером могут служить обличения Петраркой и его другом Боккаччо нравов религиозной жизни того времени [*Девятыйкин* 1988, *Боккаччо* 1970]. Эта линия получила развитие в либеральной концептуализации, которая принимала все более радикальный характер. Символом антиклерикализма можно считать творчество Вольтера [*Вольтер* 1988], который, однако, вполне осознавал связь религии и общественной морали [*Ильин* 2005]. Логичное развитие это направление получило в социально-политической концептуализации, в которой гражданское общество противопоставлялось религиозным институтам [*Anheier* 2004, *Хабермас* 1995].

В отечественной и зарубежной литературе, посвященной генезису гражданского общества, практически не уделено внимания вкладу религиозных институций и общин в этот процесс. Например, определяя сообщество как социальную сеть, исследователи из Университета Торонто Уэллман, Боаз и Чен называют сообщество эпохи до Интернета однородной группой, взаимодействующей с соседями; сетью межличностных связей, которые обеспечивают общительность, поддержку, информацию, чувство принадлежности и социальную идентичность [*Wellman, Boase, Chen* 2002]. Однако их определение явно относится и к религиозным сообществам. Соответственно следование введенным признакам ведет к включению религиозных сообществ в структуры гражданского общества.

В качестве второго направления можно выделить концептуализацию, основу которой составляют представления об общественной морали как необходимом элементе функционирования гражданского общества. Консервативные сторонники этого подхода убеждены, что в основе нравственных представлений и общественного устройства лежат прежде всего религиозные установления. Отправной точкой служит позиция святого Фомы Аквинского: «Благо отдельного человека, общества и универсума определяется божественным замыслом, и нарушение человеком божественных законов является действием, направленным против его собственного блага»². Эта идея определяла тесную связь между религиозными догматами, с одной стороны, и социальными практиками – с другой. Не будем останавливаться на радикальных проектах воплощения религиозных догматов в социальные практики, примером которых может служить проект иезуитов в Парагвае [*Григулевич* 1977]. Для нас важнее традиции социального служения, заложенные религиозными институтами, прежде всего монастырями и религиозными общинами, которые рассматривали заботу о сирых и убогих как исполнение религиозных заповедей. Так, в течение нескольких столетий в Англии забота об инвалидах, получивших увечья на королевской службе, возлагалась на приходы. Лишь позднее, когда масштаб войн существенно увеличился и эта нагрузка стала непосильной для приходов, возникли иные институциональные решения. При этом следует обратить внимание на кардинально иное отношение к бедным, лишенным возможностей заработка. Здесь действовали крайне жесткие, если не жестокие нормы, воплощением которых были рабочие дома [*Барлова* 2009].

Благодатной почвой для социального обустройства на основе норм религиозной морали стали колонии британской короны в Северной Америке. Здесь возникла сеть общин, созданных религиозными диссидентами, для которых вера служила императивом. В этих

² Св. Аквинский Ф. Из произведений. Электронная библиотека Католической информационной службы Agnuz.info. (http://www.agnuz.info/tl_files/library/books/foma_akvinskii_iz_proizvedenii).

общинах сформировалось напряженное нравственно-этическое отношение ко всем сторонам общественной жизни, что вылилось в сильную взаимную социальную поддержку внутри общин и одновременно в жесткий социальный контроль.

Представляет интерес характеристика подобных социально-нравственных отношений автором, который придерживался принципиально иных взглядов [де Токвиль 1992]. Для графа Алексиса де Токвиля фокусом стало социально-психологическое измерение: «Лишь в процессе общения людей человеческие чувства и идеи обновляются, сердца становятся благороднее, а интеллект получает развитие» [де Токвиль 1992]. Как католик и консерватор де Токвиль вполне оценивал нравственно-этическое влияние религии на характер функционирования наблюдаемых общностей [Дементьев 1992, 12]. Учет нравственно-этического измерения взаимодействия в рамках разного рода ассоциаций и сообществ выступает значимым аргументом в его концепции генезиса гражданского общества и функционирования демократии. Попутно следует обратить внимание на явную связь позиций А. де Токвиля и Ю. Хабермаса в оценке роли коммуникационного взаимодействия как фактора генезиса гражданского общества [Хабермас 1995].

Имея в виду нравственное измерение гражданского общества, следует обратить внимание на масштабы его влияния не только на нравственную атмосферу, но и на структурные сдвиги в социальной жизни. Так, общественные движения в США, прежде всего религиозные организации, провели в 1930-е гг. масштабную кампанию за введение сухого закона. Несмотря на издержки и противоречия правоприменительной практики, принятие сухого закона переломило тенденцию алкоголизации населения, угрожавшую самому существованию американской нации.

Смена оснований легитимности

Следующим фактором, обусловившим изменение как роли и влияния гражданского общества, так и фокуса его теоретической рефлексии, стали перемены в основаниях легитимности институциональной системы, прежде всего государства. На смену религиозному санкционированию легитимности, символом которого служило миропомазание, пришла нация [Дискин 2021]. Был поставлен вопрос об основаниях нации как сообщества. «Совсем неслучайно французские революционеры, возвестившие о наступлении современности, увязывали братство со свободой и равенством: братство – это то чувство, которое способно примирить свободу с равенством. Только в том случае, если мы рассматриваем других как членов того же сообщества, мы соглашаемся с тем, что распределительное налогообложение, необходимое для обеспечения равных возможностей (equity), не ущемляет нашу свободу» [Collier 2014].

В контексте нашего обсуждения следует обратить внимание на то, что исследователи XIX–XX вв. столкнулись с неопределенностью нации как субстанции, ее метафизичностью и даже мифологичностью [Хьюбнер 2001]. Поэтому звучали призывы исключить эту категорию из теоретического анализа. Так, Вебер полагал, что нация – это понятие, которое – если его вообще можно определить однозначно – нельзя описать на основе общих эмпирических качеств, считающихся свойственными ей [Вебер 2022]. Следует отказаться от представлений о нации как о воображаемом сообществе [Anderson 1983]. Во-первых, все сообщества, функционирующие вне непосредственного межличностного взаимодействия, можно отнести к воображаемым. Во-вторых, с учетом теоремы Томаса, этот аргумент мало характеризует регуляторное влияние нации³.

³ Большая российская энциклопедия. (<https://bigenc.ru/c/tomas-uil-iam-aizek-4e119e>).

Подходом, направленным на преодоление возникших теоретических противоречий, стал концепт «политическая нация», который связал легитимирующую функцию нации с политическими реалиями и одновременно позволил дистанцироваться от расовых и этнических коннотаций. По мнению Ю. Хабермаса, политическая нация позволяет строить общественные отношения на «укорененных в политической культуре правовых принципах, а не на особой этнически культурной форме жизни в целом» [Хабермас 1995].

Следует обратить внимание на соображение Л.М. Дробижевой относительно влияния духа времени на концептуализацию: «Для западных исследований характерно “наложение” концептов политической и гражданской идентичности ввиду исторической синхронии процессов формирования политической нации-государства и становления самоуправления народа» [Дробижева 2006].

Такого рода подходы обусловили вполне определенное понимание роли гражданского общества, которая проявляется прежде всего через участие в формировании политической нации. Здесь можно выделить две альтернативы. Первая, идущая от Вебера, состоит в том, что нация стремится создать государство [Вебер 2022]. В соответствии со второй, развернутой в работах И. Валлерстайна, «именно появление государства предшествует появлению нации, а не наоборот» [Валлерстайн 2004]. С точки зрения нашего обсуждения обе эти концепции означают, что фокусом анализа становится политическая роль гражданского общества и характер его взаимодействия с государственными институтами. Это мейнстрим в теоретическом анализе.

В этой связи особую значимость приобретает легитимирующая оценка государства гражданским обществом. Примером может служить ставшая классической работа Г. Алмонда и С. Вербы «Гражданская культура. Политические установки и демократия пяти наций» [Алмонд, Верба 1997]. Однако в их концепции доминирует «эффект колен» – сбрасывают рассмотренные выше подходы, связанные с преобладанием рациональности в такого рода оценках.

Таким образом, можно утверждать, что кардинально изменившиеся основания оценки легитимности государства обусловили усиление рефлексии относительно роли гражданского общества в этом процессе. Легитимирующая роль, как представляется, связана с важной сущностной характеристикой гражданского общества. Дальнейшее продвижение в понимании этой роли предполагает необходимость преодолеть диктат представлений об исключительно рациональных основаниях институтов гражданского общества. Это возможно путем включения в анализ их нравственно-этического измерения.

Экономическая интервенция

Следующим этапом развития представлений о гражданском обществе стала так называемая экономическая интервенция – существенное усиление роли концепций, привнесенных из экономической науки. Появление этого нового ориентира в 1980-х гг. обусловлено рядом факторов. Прежде всего существенно возросли масштабы институционально оформленного социального служения, благотворительности и волонтерства. Соответствующие структуры и институты стали играть заметную роль в социально-экономическом развитии, что потребовало решить целый комплекс проблем в регулировании их деятельности и взаимоотношений с государством. Необходимо было урегулировать их фискальный статус.

Возникновение комплекса такого рода проблем привлекло внимание исследователей, перед которыми встала задача охарактеризовать новый субъект социально-экономических

отношений, выработать принципы его взаимодействия с государством⁴. Так появилась концепция третьего сектора экономики [Мерсиянова 2007]. Новая ситуация существенным образом повлияла на концептуализацию представлений о гражданском обществе. Зачастую мы имеем дело с отождествлением третьего сектора с гражданским обществом как таковым, что неверно.

Одновременно на рассматриваемую систему представлений оказала влияние общая экономическая эпистемологическая интервенция – заимствование представлений, сформированных в рамках экономической теории. Экономическая интервенция стала второй волной заимствования после психологии и психоанализа⁵. Основной теоретико-методологический стимул этой интервенции – все более широкое обращение социальных наук к концепту «интересов», существенно расширившего его исходную марксистскую трактовку [Бернштейн 1902]. Понятие «интересы» стало одним из базовых в социальных науках и оказало значимое влияние на представления о характере гражданского общества. Например, П. Шмиттер определил гражданское общество как «систему самоорганизующихся посреднических групп, которые: 1) относительно независимы как от государственной власти, так и от частных структур производства и воспроизводства, то есть от фирм и семей; 2) способны принимать решения относительно коллективного действия в защиту или продвижение своих интересов; 3) не пытаются подменить собой государственные агентства или частных производителей» [Шмиттер 1996].

Важным стимулом для обращения к социально-экономическому измерению функционирования гражданского общества стал анализ «провалов государства» [Acemoglu 2005]. Было показано, что структуры гражданского общества успешно действуют в тех сегментах, где государство недостаточно эффективно. Альтруистические мотивации, стремление помочь «униженным и оскорбленным», традиционно характерное для структур гражданского общества, позволяют компенсировать провалы государства. Однако встраивание третьего сектора в общий контекст оказания услуг стимулировало появление сопоставительных оценок эффективности конкурирующих сегментов. Возникло стремление оценивать эффективность структур гражданского общества, которая в соответствии с духом времени получила экономическую трактовку.

Этот тренд не обошел и Россию. Так, директор департамента развития социальной сферы и сектора некоммерческих организаций Министерства экономического развития РФ С.О. Сорокин заявил: «Мы в прошлом году впервые провели оценку вклада НКО-сектора в экономику. Оказалось, он составил 1,5% ВВП – около 2 трлн рублей. Это огромные деньги»⁶.

Сильным мотивом для экономической интервенции стало также стремление исследователей уйти от спекулятивных построений и обеспечить эмпирическую верификацию теоретических схем. Стали использовать достижения прикладных экономических исследований и математические методы. Это стимулировало поиск показателей развития гражданского общества, которые отвечали бы требованиям эмпирической верификации. Соответственно, из анализа исчезали качественные характеристики, которые трудно поддаются количественной оценке, что обедняет анализ, затрудняя раскрытие сущности предмета – гражданского общества.

⁴ На эти факторы внимание автора обратил Л.И. Якобсон.

⁵ Наиболее заметны результаты такого заимствования в работах Т. Парсонса, который, прежде чем сосредоточиться на социологической теории, изучал психоанализ.

⁶ НКО и ВВП: какой вклад в экономику вносит третий сектор? (<https://asi.org.ru/2023/06/15/nko-i-vvp-kakoj-vklad-v-ekonomiku-prinosit-tretij-sektor/?ysclid=lu8coyf0np742202312>).

Результатом указанных тенденций явилось ставшее классическим определение структурных элементов третьего сектора Л. Соломона и Г. Анхайера: «Организация должна отвечать пяти признакам: 1) иметь формальный статус, т.е. определенную степень институционализации, которая, как правило, предполагает юридическую регистрацию, а также наличие структуры и целей деятельности; 2) участие в ее деятельности должно быть свободным и добровольным и включать добровольный вклад участников в виде потраченного на деятельность организации времени (для волонтеров) и/или в денежном виде (для доноров-благотворителей); 3) быть независимой от государства в осуществлении своей деятельности и распоряжении денежными средствами, источником которых могут быть государственные выплаты; 4) прибыль от деятельности организации не перераспределяется между ее членами, управляющими или владельцами; 5) в основе лежит самоуправление, предполагающее наличие собственных правил регулирования деятельности организации и механизмы принятия решений» [Salamon, Anheier 1997]. Как видим, это определение сфокусировано на структурно-институциональных аспектах структур гражданского общества и не касается содержательной стороны функционирования третьего сектора.

Существенным вкладом в понимание сущности гражданского общества, который отчасти позволяет преодолеть этот недостаток, стало определение гражданского общества, сформулированное Л.И. Якобсоном и С.В. Сановичем: «совокупность ячеек сотрудничества людей», которому присуща регулярность и организованность. Такое сотрудничество характеризуется: 1) относительно постоянным составом участников, относительно определенными и стабильными целями; 2) цели, как правило, носят альтруистический характер и/или могут преследовать творческую самореализацию участников и/или коллективное обустройство их частной жизни; 3) цели сотрудничества не связаны непосредственно ни с получением прибыли, ни с овладением или применением политической власти; 4) ячейки сотрудничества непосредственно не принадлежат к сферам бизнеса или государства; 5) они возникают, функционируют и исчезают в результате добровольной и сознательной самоорганизации [Якобсон, Санович 2009].

Это пространное определение акцентирует внимание на гуманной, социально ориентированной мотивации деятельности представителей третьего сектора. Однако за пределами рассмотрения оказываются макросоциальная роль и влияние гражданского общества, которые, по-видимому, непосредственно связаны с его природой.

Следует отметить, что результатом экономической интервенции стало существенное расширение эмпирических данных о масштабах и функционировании третьего сектора, мотивах его участников, характере взаимодействия третьего сектора с государством. Можно сказать, что были сформулированы признаки достаточности этого сектора. В то же время дальнейшее продвижение вперед предполагает акцент на результирующем влиянии гражданского общества на общественное развитие, т.е. на признаки его необходимости.

Что же производит гражданское общество?

В последнее время гражданское общество все чаще рассматривают в качестве актора социально-экономического, социально-политического и в целом общественного развития [Дискин 2021], благодаря включению в анализ социокультурных факторов [Александр 1999]. Кроме того, этому способствовало изучение соответствующего круга проблем в рамках институционального подхода к изучению общественного развития [Норт, Уоллис, Вейнгаст 2011, Аджемоглу, Робинсон 2021]. Большую роль сыграли исследования,

направленные на эмпирическую верификацию роли и влияния социокультурных факторов развития. Среди них следует выделить работы Р. Инглхарта. В результате беспрецедентного по масштабам социологического исследования были получены данные о ценностных ориентациях населения во многих странах мира (исследовательские проекты World Values Survey (WVS) и European Values Survey (EVS)). Теоретической основой стала существенная модификация теорий модернизации. Был предложен подход, основанный на социокультурной каузальности общественных изменений: «Ценностная ориентация общества играет ключевую роль в возникновении и развитии демократических институтов. Модернизация превращается в процесс человеческого развития, в рамках которого социально-экономический прогресс ведет к изменениям в культурной сфере, усиливающим вероятность утверждения личной независимости, гендерного равенства и демократии, формируя общество нового типа, способствующее эмансипации людей сразу по многим направлениям» [Инглхарт, Вельцель 2011].

Для нашего обсуждения представляет интерес точка зрения авторов в отношении роли социокультурных факторов, которые обуславливают ориентиры и рамки общественного развития. Следует, конечно, учитывать, что в основе их концепции лежат вестернизированные, априорные представления о таких ориентирах, в то время как альтернативы, связанные с цивилизационной спецификой, они не принимают во внимание. Наш подход предполагает отказ от подобной априорности и, напротив, последовательный учет такой специфики.

Достижения упомянутых подходов, а также результаты нашего анализа позволяют утверждать, что вследствие социокультурных трансформаций изменяется массовая мотивация социальной деятельности и представления об институциональных нормах как ее регуляторах. Следующий шаг – достижение понимания роли гражданского общества в социокультурном регулировании и общественном развитии в целом. В этой связи важно прояснить, каковы характеристики акторов, способных менять массовые социальные представления. Обратимся к результатам социологического исследования⁷.

Данные исследования указывают на главное требование к акторам, способным повлиять на массовые социальные представления, – высокие нравственные качества. Можно выделить ряд факторов, которые позволяют оценить соответствие гражданского общества общественному запросу на нравственное лидерство. Во-первых, структуры гражданского общества рекрутируют в свои ряды людей, нравственные позиции которых отличаются в лучшую сторону по сравнению с массовым сознанием. Во-вторых, участие в деятельности структур гражданского общества, связанных с решением гуманитарных и социальных проблем, уже самим характером этой деятельности задает нравственно-этические ориентиры, обеспечивая социализацию и нравственно-этическую селекцию участников. В-третьих, нравственная атмосфера, характерная для структур гражданского общества, создает предпосылки для горизонтального нравственно-этического контроля деятельности участников.

Требуется прояснения вопрос о доверии к структурам и акторам гражданского общества со стороны тех людей, которые продвигают социальные изменения [Доверие и недоверие 2013]. При такой постановке вопроса проясняется роль третьего сектора в жизни общества: «Государство оказывает такие услуги, но обслуживающий персонал работает

---

⁷ Исследование проведено под руководством автора в рамках проекта РФФИ–ИСЭПИ «Легитимность российской социально-политической системы: проблемы, специфика, пути упрочения», осуществленного при финансовой поддержке РФФИ проект: 21-011-31887 опп. Всероссийский опрос, квотная случайная выборка. 2021.

за плату, и в этой области – невысокую. В коммерческих же структурах на первом месте заинтересованность в заработке. А в некоммерческий сектор приходят энтузиасты, в этом секторе много и волонтеров, которые будут работать по велению души. И это уже означает, что они будут работать добросовестно, что им можно доверять. Более высокое доверие со стороны граждан и есть основное сравнительное преимущество некоммерческого сектора» [Якобсон 2023].

Возникает гипотеза: нравственный авторитет и влияние гражданского общества обеспечивают базовые предпосылки формирования массовых норм, ценностей и представлений, на основе которых функционирует вся система социальных институтов [Bicchieri 2005]. Идеологи, теоретики, лидеры общественного мнения и другие участники общественного дискурса выдвигают системы ценностей и норм, но необходима среда, в которой эти нормы и ценности могут быть апробированы и получают признание, станут легитимными. Эта гипотеза отнюдь не означает недооценки роли гражданского общества в общественно-политическом развитии. В соответствии с нашим исходным теоретическим ориентиром она означает корректировку фокусировки, возникшей под влиянием духа времени и связанной с преувеличением политического измерения роли гражданского общества, с одной стороны, и недооценкой его нравственно-этического влияния – с другой. В этом случае прослеживается связь между гражданским обществом и нацией, которая выступает источником легитимности. Гражданское общество обеспечивает содержательное наполнение совокупности ценностей, норм и представлений нации, которая затем становится легитимным основанием институциональной системы.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что одной из сущностных характеристик гражданского общества выступает его нравственно-этическое влияние, которое создает предпосылки успешного общественного развития. Такое понимание гражданского общества способствует его дистанцированию от дискредитирующих этот концепт теоретических трендов, связанных с либеральной идеологизацией, возведенной сегодня в ранг своего рода гражданской религии [Дискин 2022].

Следует, однако, оговорить, что предлагаемые выводы справедливы прежде всего применительно к ситуации в России. Здесь сказывается специфика цивилизационного развития нашей страны, связанная с высоким статусом нравственности в массовом сознании [Дискин 2024]. Эта специфика наложила свой отпечаток и на критерии легитимности нашей институциональной системы [Дискин 2022a]. Например, гражданственность становится одной из характеристик общего нравственного состояния общества. В.И. Даль определял «гражданские доблести» как «мирные и миротворные; честь, любовь и правда» [Даль 1955]. С этой точки зрения политическая культура – проекция общих нравственных представлений, а политическая роль гражданского общества – частный случай его макро-социального влияния.

Таким образом, необходимые и достаточные признаки гражданского общества – самоорганизация его структур и их влияние на нравственно-этический фундамент общества, который проявляется в характере функционирования нации. Подобное понимание концепта гражданского общества позволяет встроить его в развиваемые в настоящее время представления об умном консерватизме, призванные преодолеть идеологические крайности и стать основой для выработки ориентиров развития нашего Отечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. (2021) Узкий коридор. М.: АСТ. 704 с.
Adgemoglu D., Robinson J.A. (2021) *Uzkiy koridor* [The Narrow Corridor]. M: AST. 204 p. (In Russ.)
- Александр Дж.С. (1999) Парадоксы гражданского общества // *Социология, теория, методология, маркетинг*. № 1. С. 27–42.
Aleksander J.S. (1999) Paradoxy grazhdanskogo obchestva [The paradoxes of civil society]. *Sociologiya, teoriya, metodologiya, marketing*, no. 1, pp. 27–42. (In Russ.)
- Алиева Д.Я. (1995) Парадигматические сдвиги в социологии повседневности: концепция Мишеля Маффесоли // *Социологический журнал*. № 1. С. 110–121.
Alieva D.Ya. (1995) Paradigmaticheskie sdvigi v sociologii povsednevnosti: koncepciya Mishelya Maffesoli [Paradigmatic shifts in the sociology of everyday life: the concept of Michel Maffesoli]. *Sociologicheskij zhurnal*, no. 1, pp. 110–121. (In Russ.)
- Алмонд Г., Верба С. (1997) Гражданская культура. Политические установки и демократия пяти наций // *Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 2: Зарубежная политическая мысль. XX в. М.* 831 с.
Almond G., Verba S. (1997) Grazhdanskaya kultura. Politicheskiye ustanovki i demokrtiyyi pyati naziyy [Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations]. *Antologiya mirovoy politicheskoy mysli: in 5 v. V. 2. Zarubezhnaya politicheskaya mysl. XX v. Moscow*. 831 p. (In Russ.)
- Алмонд Г.А., Верба С. (1963) *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton: Princeton University Press, 562 p.
- Барлова Ю.Е. (2009) Работные дома в истории английской социальной политики // *Наука и школа*. № 5. С. 73–75.
Barlova Yu.E. (2009) Rabotnyie doma v istorii angliyskoy socialnoy politiki [Workhouses in the History of English Social Policy]. *Nauka i skola*, no. 5, pp. 73–75. (In Russ.)
- Бернштейн Э. (1902) Очерки истории и теории социализма. СПб.: Б.Н. Звонарев. 400 с.
Bernshtein E. (1902) *Ocherki istorii i teorii socializma* [Essays on the History and Theory of Socialism]. St.P.: B.N. Zvonarev. 400 p. (In Russ.)
- Боккаччо Дж. (1970) Декамерон. М.: Художественная литература, 1970. 704 с.
Voccachio J. (1970) *Decameron* [Decameron]. M: Hudogzesnvennaya literatura. 704 p.
- Валлерстайн И. (2004) Конструирование народа: раса, нация, этническая группа // Балибар Э., Валлерстайн И. *Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности*. М.: Логос. 288 с.
Valerstain I. (2004) Konstruirovaniye naroda: rasa, natsiya, etnicheskaya gruppa [Construction of the people: race, nation, ethnic group]. In: Balibar E., Valerstayn I. *Rasa, natsiya, klass. Dvumyslennyye identichnosti* [Race, nation, class. Ambiguous identities]. M: Logos. 288 p.
- Вебер М. (2022) Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. М.: Изд. дом. Высшей школы экономики. 448 с.
Weber M. (2022) *Hozyaistvo i obchestvo. Ocherki ponimayushey sociologii* [Economy and Society. Essays on Understanding Sociology]. M: Higher School of Economics. 448 p.
- Вольтер. (1988) *Философские сочинения*. М.: Наука. 753 с.
Voltaire. (1988) *Filosofskie sochinenia* [Philosophical Works]. Moscow: Nauka. 753 p.
- Гегель Г.В.Ф. (1990) *Философия права*. М.: Мысль. 524 с.
Hegel G.V.F. (1990) *Philosophiya prava* [The Philosophy of the Law]. Moscow: Mysl. 524 p.
- Гоббс Т. (1991) *Левифан, или материя, форма и власть государства церковного или гражданского* // Гоббс Т. *Соч.: в 2 т. М., т. 2*. 735 с.
Hobbs T. (1991) *Leviathan, ili materiya, forma i vlast gosudarstva tserkovnogo ili grazhdanskoro* [Leviathan, or Matter, Form and Power of the Church or Civil State]. *Hobbs T. Sochinenia: in 2 v. V. 2. Moscow*. 735 p.

- Григулевич И.Р. (1977) Крест и меч. Католическая церковь в Испанской Америке, XVI–XVIII вв. М.: Наука. 295 с.
- Grigulevich I.R. (1977) *Krest i Mech. Katolicheskaya tserkov v Ispanskoj Amerike, XVI–XVIII vv.* [Cross and sword. The Catholic Church in Spanish America, XVI–XVIII centuries]. Moscow: Nauka. 295 p.
- Даль В.И. (1955) Толковый словарь живого великорусского языка. М.: ГИС. 650 с.
- Dalh V.I. (1955) *Tolkovyi slovar zhivogo velikorussskogo yazyka* [The Dictionary of Great Russian living Language]. Moscow: GIS. 650 p.
- Девятайкина Н.И. (1988) Мировоззрение Петрарки: этические взгляды. Саратов: Изд-во Саратовского университета. 208 с.
- Devyataikina N.I. (1988) *Mirovozzreniye Petrarki: eticheskiye vzglyady* [Petrarch's Worldview: Ethical Views]. Saratov: Izdatelstvo Saratovskogo Universiteta. 208 p.
- Дементьев И.О. (2000) Токвиль и христианство // Культурный слой: Исследования по истории европейской культуры: Сб. науч. тр. Калининград. Вып. 1. С. 8–16.
- Demytyev I.O. (2000) Tokvill i christianstvo [Tocqueville and Christianity]. *Kulturnyi sloj: Issledovaniye po istorii evropeyskoj kultury*. Kaliningrad. Vyp. I, pp. 8–16.
- Дискин И.Е. (2024) Две ипостаси российской цивилизации // Тетради по консерватизму. № 1. С. 15–37.
- Diskin I.E. (2024) *Dve ipostasi rossiyskoj tzivilizaziyi* [Two hypostases of Russian civilization]. *Tetradi po konservativizmu*, no. 1, pp. 15–37.
- Дискин И.Е. (2021) Консервативная модернизация. М.: РОССПЭН. 345 с.
- Diskin I.E. (2021) *Konservativnaya modernizatsiya* [Conservative Modernization]. Moscow: ROSSPEN. 345 p.
- Дискин И.Е. (2022а) Модели легитимации и альтернативы социальной динамики // Общественные науки и современность. № 2. С. 78–94.
- Diskin I.E. (2022a) Modeli legitimatziy i alternativy socialnoy dinamiki [Models of legitimation and alternatives to social dynamics]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 78–94.
- Дискин И.Е. (2021) Нация и легитимность // Общественные науки и современность. № 4. С. 132–145.
- Diskin I.E. (2021) Nazia i legitimnost [Nation and legitimacy]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 132–145.
- Дискин И.Е. (2022b) Понимающая скорбь о крахе либерализма // Тетради по консерватизму. № 4. С. 22–37.
- Diskin I.E. (2022b) Ponimayushaya skorb o krahe liberalizma [Understanding Grief for the Collapse of Liberalism]. *Tetradi po konservativizmu*, no. 4, pp. 22–37.
- Дискин И.Е. (2008) Прорыв. Как нам модернизировать Россию. М.: РОССПЭН. 319 с.
- Diskin I.E. (1998) *Proryv. Kak nam modernizirovat Rossiyu* [Breakthrough. How do we modernize Russia]. M.: ROSSPEN. 319 p.
- Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества (2013) / Отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. М.: Изд-во НИУ ВШЭ. 261 с.
- Doveriye i nedoveriye v usloviyah razvitiya grazhdanskogo obchestva* [Trust and Mistrust in the Context of Civil Society Development] (2013) / F.B. Kupreychenko, I.V. Mersyanova (red.). M.: Izd. NIU HSE. 261 p.
- Дробижева Л.М. (2006) Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России: сб. статей / Под ред. В.С. Магуна, Л.М. Дробижевой, И.М. Кузнецова. М.: Институт социологии РАН. С. 12–13.
- Drobizheva L.M. (2006) Gosudarstvennaya i etnicheskaya identichnost: vybor i podvizhnost [State and Ethnic Identity: Choice and Mobility]. *Grazhdanskiye, etnicheskiye i religioznye identichnosty v sovremen-*

noy Rossii. V.S. Magun, L.M. Drobizheva, I.M. Kuznetsov (red.). Moscow: Institute of Sociology RAS. P. 12–13.

Инглхарт Р., Вельцель К. (2011) Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития М.: Новое издательство. 464 с.

Inglhart R., Welzel K. (2011) *Modernizatsiya, kulturniye izmeneniya i demokratiya: posledovatelnost chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change and Democracy. The Human Development Sequence]. M: Novoe izdatelstvo. 464 p.

Inglehart R., Welzel Ch. (2005) *Modernization, Cultural Change and Democracy. The Human Development Sequence*. N.Y.: Cambridge University Press. 333 p.

Ле Гофф Ж. (2022) Цивилизация средневекового Запада. М.: Издательская группа Альма Матер, Гаудеамус. 400 с.

Le Goff G. (2022) *Civilizaciya srednevekovogo Zapada* [Civilization of the Medieval West]. Moscow: Izdatelskaya gruppa AlmaMater, Gaudeamus. 400 p.

Локк Дж. (2014) Два трактата о правлении. М.; Челябинск: Социум. 480 с.

Locke J. *Dva trakata o pravlenii* [Two treatises of government]. Moscow, Chelyabinsk: Socium. 480 p.

Макиавелли Н. (1990) Государь. М.: Планета. 79 с.

Makkiavelli N. (1990) *Gosudar* [Sovereign]. Moscow: Planeta. 79 p.

Мерсиянова И.В. (2007) Третий сектор: определение, терминология, границы, данные исследований и тенденции развития. М.: Издательский дом ГУ–ВШЭ. 88 с.

Mersyanova I.V. (2007) *Tretiy sektor: opredeleniye, terminologii, dannye issledovaniy i tendentziy razvitiya* [The Third Sector: Definition, Terminology, Boundaries, Research Data and Development Trends]. Moscow: Izdatelskiy Dom GU VSE. 88 p.

Норт Д.К., Уоллис Дж., Вейнгаст Б. (2011) Насилие и социальные порядки. М.: Изд-во Института Гайдара. 480 с.

North D.K., Wallis J., Weingast B. (2009) *Nasiliye i socianye poryadki* [Violence and Social Orders]. M.: Izd. Instituta Gaydara. 480 p.

Руссо Ж.-Ж. (2023) Об общественном договоре или принципы политического права. М.: Юрайт. 146 с.

Russo J.-J. (2023) *Ob obchestvennom dogovore ili principy politicheskogo prava* [On the Social Contract, or Principles of Political Right]. M.: Urait. 146 p.

Смит А. (1997) Теория нравственных чувств. М.: Республика. 350 с.

Smit A. (1997) *Teoriya nravstvennyh chuvstv* [The Theory of Moral Sentiments]. M: Respublica. 350 p.

Токвиль А. де (1992). Демократия в Америке. М.: Прогресс. 559 с.

Tocqueville A. de (1992) *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. Moscow: Progress. 559 p.

Хабермас Ю. (1995) Демократия. Разум. Нравственность. М.: Academia. 244 с.

Habermas J. (1995) *Demokratiya. Razum. Nravstvennost* [Democracy. Mind. Morality]. Moscow: Academia. 559 p.

Хьюбнер К. (2001) Нация: От забвения к возрождению. М.: Канон. 400 с.

Hubner K. (2001) *Natsiya: ot zabveniya k vozrozhdeniyu* [Nation: From Oblivion to Revival]. Moscow: Kanon. 400 p.

Шекспир В. (1992–1996) Полное собрание сочинений в 14 т. М.: Издательство «Тerra».

Shakespear W. (1992–1996) *Polnoe sobraniye sochineniy v 14 t.* [The complete works in 14 v.]. M: Izdatelstvo Terra.

Шмиттер Ф. (1996) Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. № 5. С. 16–27.

Shmitter F. (1996) *Razmyshleniya o grazhdanskom obshestve i konsolidatsii demokratii* [Reflections on Civil Society and the Consolidation of Democracy]. *Polis*, no. 5, pp. 16–27.

Якобсон Л.И., Санович С.В. (2009) Смена моделей российского третьего сектора: фаза импорто-замещения // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 21–34.

Yakobson L.I., Sanovich S.V. (2009) Smena modeley rossiyskogo tretyego sektora: faza importozamesheniya [Change of models of the Russian third sector: phase of import substitution]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 21–34.

Acemoglu D. (2005) Modeling Inefficient Institutions. *Advances in Economic Theory. Proceedings of the World Congress*. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2007. P. 341–380.

Anderson B. (1983) *Imagined Communities*. London: Verso Publications. 160 p.

Anheier H.K. (2004) *Civil society: Measurement, Evaluation, Policy*. London. 226 p.

Bicchieri C. (2005) *The Grammar of Society: The Nature and Dynamics of Social Norms*. Cambridge University Press. 278 p.

Collier P. (2014) *Exodus: Immigration and Multiculturalism in the 21st Century*. London: Penguin Books. 309 p.

Habermas J. (1991) *The Structural Transformation of the Public Sphere*. Cambridge: The MIT-press. 301 p.

Hodgson G.M. (2009) Meaning of Methodological Individualism. *Journal of Economic Methodology*, no. 14 (2), pp. 2011–226.

Salamon L.M., Anheier H.K. (1997) *Defining the nonprofit sector: A cross-national analysis*. Manchester: Manchester university press. 526 p.

Wellman B., Boase J., Chen W. (2002) The Networked Nature of Community: Online and Offline. *Society*, vol. 1, no. 1, pp. 151–165.

Winston C. (2006) *Government Failure versus Market Failure. Microeconomics Policy Research and Government Performance*. Washington, DC: AEI-Brookings Joint Center for Regulatory Studies. 130 p.

Информация об авторе

Дискин Иосиф Евгеньевич, доктор экономических наук, ведущий эксперт Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 109028, Россия, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11. E-mail: idiskin9@gmail.com

About the author

Iosif E. Diskin, Doctor of Sciences (Economics), Leading Expert, Centre for Civil Society Studies and the Nonprofit Sector, National Research University “Higher School of Economics”. Address: 109028, 11 Pokrovsky Boulevard, Moscow, Russia. E-mail: idiskin9@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 10.04.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 08.06.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 03.07.2024